
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32 А, Москва, 119991

Использование антропологических материалов в качестве исторических источников для освещения основных проблем этногенеза народов Восточной и Центральной Азии дает возможность разобраться в таких важных и сложных проблемах, как роль монгольских, китайских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибето-бирманских, иранских и других народов в формировании этнического состава населения этих регионов. В статье прослеживаются пути миграций различных расовых компонентов, характер их смешения, дробления и взаимовлияния в древности.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, этногенез, миграции

Привлечение палеоантропологических материалов как важнейшего исторического источника является одним из основных методологических подходов к исследованию историко-культурных и этнокультурных общностей в эпоху древности. Хотя расовые признаки опираются на биологическую характеристику, но поскольку они существуют в человеческом обществе, конкретная история их сочетаний внутри различных человеческих популяций определяется социально-историческими, а не естественно-географическими факторами. Во многих случаях биологически нейтральные и всегда социально безразличные расовые особенности изменяются с течением времени, но гораздо медленнее, чем хозяйство, культура, быт и язык. Поэтому, изучая антропологический облик какой-либо конкретной этнической группы и выделяя внутри нее наиболее часто встречающиеся сочетания расовых признаков, можно сделать заключение о тех процессах, которые привели к образованию соответствующих антропологических типов. Вопросы о терри-

ториях формирования древних этносов, причинах их смешений и путях переселений часто могут быть решены только при привлечении антропологических материалов.

Палеоантропологические данные свидетельствуют о том, что в период позднего палеолита на территории Северного Китая обитали преимущественно различные популяции тихоокеанских монголоидов. Но они не могут рассматриваться в качестве предков только древнекитайского этноса, так как древнейшие этнолингвистические общности, находившиеся у истоков современных языковых семей Восточной и Центральной Азии, складывались лишь в эпоху мезолита (10–7 тыс. до н.э.). Что же касается дробления этих общностей и формирования этнических предков древних китайцев, то эти процессы относятся уже к неолитическому времени.

В 5–3 тыс. до н.э. на территории Китая сложился ряд неолитических культур. В среднем течении Хуанхэ развивается одна из самых ярких культур «крашеной керамики» – культура Яншао (по названию стоянки в провинции Хэнань), которую большинство специалистов связывают с оседло-земледельческими протокитайскими племенами. Большинство черепов из указанных местонахождений обнаруживает все характерные особенности восточноазиатской расы тихоокеанских монголоидов [1. Р. 39–41].

Носители неолитических культур северной части Восточной и Центральной Азии также не были вполне однородными в расовом отношении, и данные говорят о том, что в это время идет активное межэтническое общение. В эпоху неолита на территории современного Китая и соседних с ним стран сложилось несколько явно выраженных очагов расообразования и этногенеза. В бассейне Хуанхэ жили популяции, принадлежавшие к восточноазиатской расе тихоокеанских монголоидов. Население в пределах современной провинции Ганьсу сохраняло протоморфные черты, обнаруживая связи с континентальными монголоидами Центральной Азии и Юго-Восточной Сибири.

Сравнение серий черепов из бассейна Вэйхэ с локализованными к северо-западу от них (в Ганьсу) несколько более поздними группами позволяет поставить вопрос о проникновении на северо-запад Китая европеоидных расовых компонентов, которые в 5 тыс. до н.э. были широко распространены в Центральной Азии. Не исключена возможность, что речь может идти о каких-то древних индоевропейских (иранских или тохарских) племенах [2. С. 92–93].

Антропологические признаки носителей всех вариантов культуры Яншао (включая Баньшань) указывают, что северные связи с континентальными монголоидами и западные с европеоидами, если и имели место в Северном Китае, то носили в неолите (как и позднее) несущественный характер.

В то же время выделяются промежуточные группы центральноазиатских и сибирских краниологических серий, занимающих по многим расовым признакам переходное положение между монголоидами и европеоидами. Некоторые сдвиги в монголоидном направлении заметны уже у узбеков.

Еще резче монголоидные черты выражены у казахов и особенно у киргизов. Расовый облик киргизов и казахов сложился в результате метисации континентальных монголоидов и европеоидов. В формировании расового облика киргизов роль монголоидных компонентов была выше, чем у казахов.

Исследователи обращают внимание на то, что в антропологическом типе северных китайцев в некоторых районах Китая (например, Шаньси) наблюдаются довольно значительные отклонения от среднестатистических параметров облика северокитайского типа монголоидов. Для выяснения причин этого явления антропологические характеристики северных китайцев были сопоставлены с данными кемчикских тувинцев – представителей центральноазиатского расового типа.

Такое сопоставление вполне оправдано историко-географическими факторами, так как центральноазиатский (монгольский) тип широко распространен среди тех народностей Монголии, с которыми северные китайцы с древних времен находились в тесном взаимодействии. Почти по всем основным расодиагностическим признакам шаньсийцы занимают промежуточное положение между среднестатистическим типом северных китайцев и кемчикскими тувинцами. Антропологи допускают, что за пределами Шаньси центральноазиатские элементы среди северных китайцев хотя бы в небольшом количестве распространены во всех провинциях, примыкающих к Внутренней Монголии, т.е. в Хэбэе, Шаньси, Шэньси и Ганьсу. Расовые варианты, по многим признакам напоминающие центральноазиатский тип, широко распространены на всех северных рубежах Китая – у монгольских, тюркских и тунгусских народов Сибири. Краниологические параметры населения этой территории варьируют в сторону приближения к европеоидным памиро-ферганским типам Центральной Азии.

Данные антропологии свидетельствуют о том, что северные китайцы – расово неоднородная популяция, ядро которой составляет своеобразный северокитайский тип, сосредоточенный преимущественно в бассейне Хуанхэ на побережье Желтого моря. Все остальные антропологические компоненты северных китайцев играют меньшую роль в их этнорасовой истории, так как очаги преимущественной концентрации этих компонентов расположены вне собственно Китая. Однако наличие их среди современного северокитайского населения указывает на его древние и тесные расо- и этногенетические связи с народами соседних стран. Центральноазиатский расовый тип связывает северных китайцев с монголами и с другими народами Центральной Азии; европеоидные элементы на северо-западе – с иранцами и тюрками Центральной Азии.

Что касается расово-антропологической характеристики других этносов Восточной и Центральной Азии, то целесообразно начать такую характеристику с тех этнических общностей, которые соседствуют и взаимодействуют с северными китайцами. Из этих народов только один – дунгане (хуэй) – пользуется языком той же семьи и группы, что и китайцы. Все остальные –

некитайские этносы Северного Китая, расселенные на обширной территории от Синьцзяна на западе до Маньчжурии на востоке, – говорят на иранских или алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языках.

Хуэй Восточной и Центральной Азии являются особой этнической общностью, которая хотя и пользуется различными диалектами китайского языка, но заметно отличается от китайцев (хань) по особенностям культуры и быта, а также по своему расовому составу. Антропологически дунгане (хуэй) отличаются от северных китайцев более сложным расовым составом, в формировании которого наряду с тихоокеанскими монголоидами значительную роль сыграли континентальные монголоиды и южные европеоиды. Внедрение черт континентальных монголоидов в хуэйскую этническую среду связано преимущественно с тюркоязычными народами. Проникновение черт южных европеоидов связано с народами говорившими на индоевропейских языках, особенно с ираноязычными таджиками, а в более ранние исторические эпохи с согдийцами и, возможно, с тохарами.

Население Синьцзян-Уйгурского автономного района, который на большом протяжении граничит с Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном, представлено антропологически разными народами. На основе анализа антропологических и археологических материалов из могильников от бронзового до железного века на западе современного Китая исследователи пришли к заключению, что первыми жителями этой территории были европеоиды. Смена антропологического типа, вероятно, начинает происходить с приходом монголоидного населения в период после правления династии Хань [3. Р. 281–307; 4. Р. 199–222], хотя более точное время пока не определено [5. Р. 273–318].

Антропологические исследования (анализ Y-хромосомной и митохондриальной ДНК) человеческих останков из могильников на территории Таримской впадины дают важные сведения о контактах между народами Восточной и Центральной Азии уже после начала функционирования Великого шелкового пути. Определение происхождения населения, жившего и похороненного на этой территории, дает важную информацию о направлении миграций на рубеже эр. Генетический анализ показал, что по материнской линии предки могли быть как восточного, так и западного происхождения, а по отцовской – только западного. Другими словами, предки по женской линии могли иметь тесные отношения как с жителями южносибирского, так и западноевропейского регионов [6. Р. 391–405; 7. Р. 67–89; 8. Р. 458–462; 9. Р. 1128–1136]. Что касается предков по мужской линии, то они – индоевропейского происхождения [10. Р. 495–504]. Таким образом, древнее население Таримской впадины было метисированным в результате миграций населения Востока и Запада [11. Р. 395–410]. Причем эти миграции должны были начаться задолго до того времени, к которому относятся захоронения в Таримской впадине: возможно, первые контакты относятся к началу бронзового века. Монголоидные признаки в Синьцзяне с макси-

мальной отчетливостью выражены у китайских переселенцев из Ганьсу. Антропологически для них характерен северокитайский расовый тип (ганьсуйский вариант).

Северокитайские инфильтрации также присутствуют у тюркоязычных (уйгурских) обитателей районов Лобнора и Чарклыка. В состав населения Северного Синьцзяна входят различные европеоидные и монголоидные компоненты. Среди них основную роль играет памиро-ферганский тип, наиболее широко распространенный (в пределах Джунгарии) у кашгарцев, городских уйгуров и турфанских калмыков, но встречающийся и у других популяций на той же территории. У афганцев Кульджинского района выявляется восточномедитерранейский европеоидный компонент. Аналогичный компонент выделяется в Кашгарии (Южном Синьцзяне), а также среди туркмен и народностей Северной Индии. Некоторая «европеоидность» ганьсуйских и кульджинских китайцев зависит от присутствия восточномедитерранейских (индо-афганских) включений.

Переходные монголоидно-европеоидные формы в Джунгарии представлены прежде всего южносибирским (туркоидным) типом. В смешении с памиро-ферганскими элементами он составляет основное ядро казахов и деревенских (кишлачных) уйгуров. Не исключена возможность его присутствия и среди монгольских народностей Синьцзяна, в частности среди торгоутов.

Наиболее западное положение торгоутов среди монгольских этнических общностей (кроме калмыков) также хорошо согласуется с гипотезой о наличии здесь южносибирских компонентов, характерных для многих тюркских народов Юго-Западной Сибири и Центральной Азии. Среди монголов Синьцзяна встречается и центральноазиатский (собственно монгольский) тип. Из восточноазиатских монголоидов в Джунгарии распространен северокитайский тип, преобладающий среди кульджинских китайцев и хуэй.

В целом Синьцзян представляет собой типичную контактную зону, в которой смешиваются и взаимодействуют между собой разнообразные группы популяций – монголоидные и европеоидные. С востока Синьцзян непосредственно примыкает к ареалу преобладания восточноазиатских монголоидов, связывающих северные и южные монголоидные расы. С юга за пустыней Такла-Макан лежит Тибет с его антропологически разнообразным населением, в состав которого входят южномонголоидные компоненты. С запада сразу же за синьцзянскими рубежами начинается обширная область распространения европеоидных индо-афганских и памиро-ферганских популяций. С севера с Джунгарией граничит Монголия, население которой в антропологическом отношении состоит главным образом из северных монголоидов.

На западных рубежах расселения монголоязычных народов, где издавна происходило их взаимодействие с различными тюркскими этносами (например, у упомянутых выше торгоутов Тарбагатай и у сарт-калмыков Киргизии, этнически близких к торгоутам), вероятно присутствие гиперморфно-

го южносибирского типа. По мнению многих антропологов, этот тип сформировался в зоне древних контактов между европеоидами и континентальными монголоидами. Точнее, сложились две группы антропологических типов, которые не могут быть строго отнесены ни к монголоидам, ни к европеоидам.

Северную группу этих переходных типов можно назвать уральской, южную – южносибирской.

Характерные черты центральноазиатской группы южносибирского типа свойственны большинству монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Центральноазиатский компонент принимал участие в сложении расового состава некоторых групп китайцев (хань), особенно уроженцев провинций, непосредственно примыкающих к Внутренней Монголии. Другой, южносибирский тип, имеющий метисное монголоидно-европеоидное происхождение, широко распространен, вероятно, среди казахов и киргизов Северо-Западного Китая (как и у близких к ним народов Центральной Азии). Ярко выраженными особенностями контактного южносибирского типа обладают также многие популяции уйгуров Синьцзяна, в формировании которых большую роль играло смешение континентальных монголоидов с южными европеоидами, близкими к памиро-ферганцам и индо-афганцам. К ним относятся различные европеоидные популяции, принимавшие участие в формировании расового состава населения Северного Китая (преимущественно в северо-западных его районах). В процессе их смешения с тихоокеанскими монголоидами сложился «европеизированный» ганьсуйский вариант. Тот же европеоидный компонент прослеживается и среди дунган Южного Казахстана – потомков хуэйских выходцев из Шаньси. Аналог индо-афганского компонента – памиро-ферганский тип, входящий в ту же индо-памирскую расу южных европеоидов, – наиболее характерен для ираноязычных сарыколов и памирцев Юго-Западного Синьцзяна, но широко распространен во многих группах уйгуров и хуэй (а также у их дунганских потомков в Киргизии). Однако вопрос о контактах неолитических племен Ганьсу с европеоидными популяциями Центральной Азии остается открытым.

Южный регион Сибири был заселен человеком в эпоху палеолита. Судя по исследованным на сегодняшний день памятникам, освоение разных районов этой территории первыми людьми не было одновременным. Начальный период археологической истории региона связан с Алтаем. На территории Сибири, несмотря на большое количество исследованных памятников эпохи палеолита, палеоантропологические материалы очень незначительны. В основном они локализованы в южных районах Сибирского региона.

В.П. Алексеев, основываясь на этих находках, сделал вывод о распространении в эпоху верхнего палеолита в Южной Сибири монголоидных групп населения. Время же появления в этом регионе европеоидов он отнес к неолиту [12. Р. 334].

Однако детальный анализ морфологии зубов зарубежными и российскими одонтологами свидетельствует о существовании или сосуществовании двух антропологических общностей – западной с доминированием европеоидных одонтологических особенностей и восточной с выраженной монголоидностью зубного комплекса. Выделение различных в расовом отношении одонтологических типов на территории Южной Сибири позволяет предполагать также наличие расовой неоднородности краниологических комплексов. Такой полиморфизм должен быть обусловлен различной генетической основой древнейших переселенцев на Азиатский континент. В дальнейшем на этой основе в результате метисационных и адаптационных процессов формировались особенности древнейших рас Азии.

В период VII–VI вв. до н.э. – IV–V вв. н.э. в земледельческих оазисах Центральной Азии взаимодействовали те же европеоидные расы, что в неолите и бронзовом веке. Наряду с ними в некоторых районах (например, в Семиречье и Приаралье) присутствовали монголоидные популяции континентального облика. Для Синьцзяна в нашем распоряжении мало антропологических данных по эпохам бронзы и раннего железа. Однако черепа из Лобнора, предположительно датируемые серединой 1 тыс. до н.э., принадлежали европеоидам, которые и во все последующие периоды истории играли главную роль в расовой структуре коренного населения Восточного Туркестана.

Таким образом, все основные народы Северных районов Восточной и Центральной Азии оказываются в расовом отношении неоднородными. Китайцы (хань) при преобладании восточномонголоидных компонентов обнаруживают на северных рубежах своего ареала смешение с центральноазиатскими популяциями, а на западных границах – с различными формами южных европеоидов. Этнически близкие к китайцам хуэй включают главным образом те же расовые типы, однако удельный вес европеоидных признаков у них гораздо выше. Маньчжуры и близкие к ним этносы Северо-Восточного Китая принадлежат к ранним вариантам дальневосточной расы, но на окраинах своего расселения взаимодействуют с континентальными монголоидами. Монголоязычные народы Северного Китая принадлежат большей частью к континентальным монголоидам центральноазиатской группы, но на востоке включают восточномонголоидные элементы, а на западе – метисные формы южносибирского типа.

Тюркоязычные этносы рассматриваемой территории в расовом отношении еще более смешаны. Казахи и частично киргизы относятся к южносибирской расе; уйгуры же наряду с южносибирскими компонентами включают и европеоидные (памиро-ферганские) типы, которые во многих уйгурских популяциях даже преобладают.

В работах по этнической антропологии все больше внимания уделяется другой группе разграничительных расовых признаков – особенностям с дискретным характером изменчивости.

Среди одонтологических дискретных признаков с ясно выраженными групповыми ареальными вариациями лучше всего изучена лопатообразная форма резцов. У народов соседних с Китаем стран Восточной, Центральной и Северной Азии лопатообразная форма резцов встречается почти столь же часто, как и в китайских популяциях. Максимальная концентрация этой особенности (90%) отмечена у монголов и у некоторых групп японцев, а также у корейцев и якутов (60–90%). Очень высока доля лопатообразной формы резцов во всех эскимосских, алеутских и индейских популяциях (80–100%).

Таким образом, несомненно, что для всех без исключения популяций восточных, северных, северо-восточных (арктических) и американских монголоидов характерна высокая концентрация лопатообразной формы резцов, не встречающаяся больше нигде на нашей планете за пределами основного ареала расселения различных вариантов монголоидных рас [13. С. 101–104]. Наибольшее одонтологическое сходство народы Китая обнаруживают с монголоидными популяциями Центральной, Северной и Северо-Восточной Азии [14. С. 187–211].

В этнической антропологии все большее значение приобретают данные дерматоглифики. Для сравнения различных популяций по основному типу узоров на подушечках пальцев рук обычно вычисляется так называемый дельтовый индекс, т.е. среднее количество дельт на одного обследованного субъекта в каждой группе. Чем выше этот индекс, тем сложнее дерматоглифический рисунок, более высокие дельтовые указатели отражающие большую частоту дельтовых и особенно круговых узоров в сопоставляемых популяциях. О наличии в Центральной Азии и Восточной Сибири обширного ареала высокой концентрации круговых узоров на подушечках пальцев и, соответственно, больших средних величин дельтового индекса свидетельствуют материалы Г.Л. Хить по монголам МНР, М.В. Волоцкого и Т.Д. Гладковой по бурятам, Т.Д. Гладковой и Г.Л. Хить по якутам, Т.Д. Гладковой и М.Г. Левина по чукчам. У континентальных монголоидов Северной Азии концентрация круговых узоров выше, чем у монголоидов тихоокеанских (восточных и южных).

Для этнической антропологии Восточной и Центральной Азии важную информацию может предоставить исследование групп популяционных маркеров: групп крови, генов, антигенов, белков, ферментов и т.д. К северным китайцам по частоте генов системы АВО близки корейцы, монголы МНР, народы Дальнего Востока России – нанайцы, ульчи, нивхи, буряты, якуты, долганы, некоторые популяции алтайцев, хакасов и других народов Южной и Западной Сибири. Для всех этих групп характерен серологический тип с преобладанием формулы $r>q>p$, высокой частоты гена q (до 0,3) и с большой долей группы генных частот крови O по сравнению с A . Тип этот можно назвать также центральноазиатским, поскольку Южная Сибирь и Монголия историко-географически относятся к Центральной Азии; он оказывается очень сходным с восточноазиатским типом северных китайцев и корейцев.

Аналогичные процессы постепенного выклинивания гена *q*, а вслед за ним и *p* (при сохранении «локальных пиков» его концентрации) и вместе с тем возрастание частоты рецессивного гена *r* наблюдаются также в Сибири, к востоку от Енисея, где выделяется арктический серологический тип с частотой *r*, доходящей местами до 0,9 [15. С. 40]. Процессы эти стимулировались миграциями с последующей изоляцией и вызванным ею дрейфом генов.

Итак, по всем перечисленным особенностям северные китайцы обнаруживают большое сходство с тибетцами, маньчжурами, корейцами, несколько менее – с японцами, а по некоторым маркерам с континентально-монголоидными популяциями Центральной Азии и Южной Сибири.

Таким образом, на северных и отчасти на западных рубежах своего ареала тихоокеанские монголоиды с глубокой древности соприкасались с монголоидами континентальными.

В настоящее время различные типы этой последней группы рас преобладают среди некоторых народов Маньчжурии (хэчжэ, ороحوнов, эвенков), монголов Внутренней Монголии и Синьцзяна, а также среди многих тюркоязычных этносов – киргизов, казахов и др. Среди народов Северо-Западного Китая, особенно в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах, тихоокеанские и континентальные монголоиды смешиваются не только между собой, но и с различными европеоидными популяциями, известными в Центральной Азии начиная с неолита и бронзового века. В настоящее время тихоокеанские монголоидные типы, сильно смешанные с различными европеоидными компонентами, преобладают в составе всех групп хуэй, тогда как континентальные монголоидные примеси присутствуют у уйгуров, которые в массе своей, несомненно, характеризуются европеоидными чертами.

Неизвестно, где в пределах современной Восточной и Центральной Азии проходила граница между ареалами расселения монголоидных и европеоидных популяций. На севере ареала тихоокеанские монголоидные группы взаимодействуют с континентальными вариантами этой же группы. На западной границе ареала с неолита и бронзового века происходила метисация монголоидов и различных европеоидных популяций.

Накопленный к настоящему времени опыт изучения археологических культур Восточной и Центральной Азии, а также дисперсии и динамики антропологического состава ее населения свидетельствует о том, что дифференциация краниологических комплексов и культурогенетические процессы в этом регионе протекали зонально. Следовательно, и ареалы синхронно расширяющихся культур, и ареалы антропологических общностей перекрывали друг друга и иногда простирались широтно через весь Евразийский материк.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Underhill A.P. *Craft Production and Social Change in Northern China. Fundamental Issues in Archaeology*. N.Y.: Kluwer/Plenum, 2002.
- [2] Решетов А.М., Чебоксаров Н.Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев // *Расы и народы*. 1973. № 3.
- [3] Mair V.H. Prehistoric Caucasoid corpses of the Tarim Basin // *Journal of Indo-European Studies*. 1995. Vol. 23.
- [4] Hemphill B.E., Mallory J.P. Horse-mounted invaders from the Russo-Kazakh steppe or agricultural colonists from western Central Asia? A craniometric investigation of the Bronze Age settlement of Xinjiang // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 124.
- [5] Mair V.H. The rediscovery and complete excavation of Ördek's Necropolis // *Journal of Indo-European Studies*. 2006. Vol. 34. № 1-4.
- [6] Kong Q.-P., Yao Y.-G., Liu M., Shen S.-P., Chen C., Zhu C.-L., Palanichamy M.G., Zhang Y.-P. Mitochondrial DNA sequence polymorphisms of five ethnic populations from northern China // *Human Genetics*. 2003. Vol. 113.
- [7] Starikovskaya E.B., Sukernik R., Derbeneva O.A., Volodko N.V., Ruiz-Pesini E., Torroni A., Brown M.D., Lott M.T., Hosseini S.H., Huoponen K., Wallace D.C. Mitochondrial DNA diversity in indigenous populations of the southern extent of Siberia, and the origins of Native American haplogroups // *Annals of Human Genetics*. 2005. Vol. 69.
- [8] Ricaut F.X., Fedoseeva A., Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Ancient DNA analysis of human neolithic remains found in northeastern Siberia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 126.
- [9] Gao S.Z., Yang Y.D., Xu Y., Zhang Q.C., Zhu H., Zhou H. Tracing the genetic history of the Chinese people: Mitochondrial DNA analysis of a neolithic population from the Lajia site // *American Journal of Physical Anthropology*. 2007. Vol. 133.
- [10] Comas D., Plaza S., Wells R.S., Yuldusheva N., Lao O., Calafell F., Bertranpetit J. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // *European Journal of Human Genetics*. 2004. Vol. 12(6).
- [11] Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. 2009. № 126.
- [12] Alekseev V.P. *The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998.
- [13] Зубов А.А. *Этническая одонтология*. М.: Наука, 1973.
- [14] Халдеева Н.И. Буряты, хакасы, Дальний Восток // *Этническая одонтология СССР*. М.: Наука, 1979.
- [15] Золотарева И.М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г.Ф. Дебеца) // *Советская этнография*. 1971. № 1.

REFERENCES

- [1] Underhill A.P. *Craft Production and Social Change in Northern China*. Fundamental Issues in Archaeology. N.Y.: Kluwer/Plenum, 2002.
- [2] Reshetov A.M., Cheboksarov N.N. Antropologija i jetnografija o proishozhdenii kitajcev [Anthropology of Chinese origin] // *Rasy i narody [Races and Peoples]*. 1973. № 3.
- [3] Mair V.H. Prehistoric Caucasoid corpses of the Tarim Basin // *Journal of Indo-European Studies*. 1995. Vol. 23.
- [4] Hemphill B.E., Mallory J.P. Horse-mounted invaders from the Russo-Kazakh steppe or agricultural colonists from western Central Asia? A craniometric investigation of the Bronze Age settlement of Xinjiang // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 124.
- [5] Mair V.H. The rediscovery and complete excavation of Ordek's Necropolis // *Journal of Indo-European Studies*. 2006. Vol. 34. № 3–4.
- [6] Kong Q.-P., Yao Y.-G., Liu M., Shen S.-P., Chen C., Zhu C.-L., Palanichamy M.G., Zhang Y.-P. Mitochondrial DNA sequence polymorphisms of five ethnic populations from northern China // *Human Genetics*. 2003. Vol. 113.
- [7] Starikovskaya E.B., Sukernik R.I., Derbeneva O.A., Volodko N.V., Ruiz-Pesini E., Torroni A., Brown M.D., Lott M.T., Hosseini S.H., Huoponen K., Wallace D.C. Mitochondrial DNA diversity in indigenous populations of the southern extent of Siberia, and the origins of Native American haplogroups // *Annals of Human Genetics*. 2005. Vol. 69.
- [8] Ricaut F.X., Fedoseeva A., Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Ancient DNA analysis of human neolithic remains found in northeastern Siberia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 126.
- [9] Gao S.Z., Yang Y.D., Xu Y., Zhang Q.C., Zhu H., Zhou H. Tracing the genetic history of the Chinese people: Mitochondrial DNA analysis of a neolithic population from the Lajia site // *American Journal of Physical Anthropology*. 2007. Vol. 133.
- [10] Comas D., Plaza S., Wells R.S., Yuldusheva N., Lao O., Calafell F., Bertranpetit J. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // *European Journal of Human Genetics*. 2004. Vol. 12(6).
- [11] Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. 2009. № 126.
- [12] Alekseev V.P. *The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998.
- [13] Zubov A.A. *Jetnicheskaja odontologija [Ethnic Odontology]*. M., Nauka, 1973.
- [14] Haldeeva N.I. *Burjaty, hakasy, Dal'nij Vostok [Buryats, Khakasses, the Far East] // Jetnicheskaja odontologija SSSR [Ethnic Odontology of the USSR]*. M., Nauka, 1979.
- [15] Zolotareva I.M. O nekotoryh problemah jetnicheskoj antropologii Severnoj Azii (v svyazi s rabotami G.F. Debeca) [On some problems ethnic anthropology of Northern Asia (in connection with works by G.F. Debets)] // *Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]*. 1971. № 1.

SOME ASPECTS OF FORMING THE POPULATION OF EAST AND CENTRAL ASIA IN ANCIENT TIMES

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Leninskiy pr., 32 A, Moscow, Russia, 119091

Using anthropological materials as historical sources to show the main problems of the ethnogenesis of the peoples of East and Central Asia makes it possible to understand the important and complex issues as the role of Mongolian, Chinese, Turkic, Tungusic, Tibeto-Burman, Iranian and other peoples in the formation of the ethnic composition of the population of these regions. The article traces the migration routes of various racial components, the nature of their mixing, crushing and interference in antiquity.

Key words: China, Central Asia, ethnogenesis, migration

СТАТЬЯ ОТЗЫВАНА
RETRACTED